

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

1896.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ОДНОЙ ТАБЛИЦЫ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1897.

Матеріалы и замѣтки по Буддизму.

(Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева).

III ¹⁾.

[Переводы изъ Suttanipāta и Mahāvagga (Vinaya)].

[Почти оконченный переводъ Padhānasutta изъ Suttanipāta найденъ нами въ бумагахъ Ивана Павловича вмѣстѣ съ палийскимъ текстомъ, приготовленнымъ имъ по четыремъ рукописямъ, повидному еще въ началѣ 70-хъ годовъ, т. е. за десять съ лишнимъ лѣтъ до изданія проф. Фаусбелля. Русскій переводъ этой легенды — самой древней доступной пока версiи легенды объ искушенiи Будды,—представляетъ, какъ намъ кажется, значительный интересъ для русскихъ читателей. Переводъ просмотрѣвъ нами по изданiю Фаусбелля и недостающее дополнено. Мы не измѣнили перевода тамъ, гдѣ онъ былъ сдѣланъ по другому тексту. Переводъ изъ Mahāvagga рассказываетъ о первыхъ шагахъ проповѣднической дѣятельности Будды. Въ бумагахъ Ивана Павловича къ нему имѣются обширныя примѣчанiя, но, такъ какъ они составлены главнымъ образомъ изъ отрывковъ разныхъ сочиненiй, теперь уже напечатанныхъ (примѣчанiя, какъ и переводъ составлены, повидному, въ 70-хъ годахъ), то мы ихъ опускаемъ. Все поставленное въ прямыя скобки принадлежитъ намъ.

Сергѣй Ольденбургъ].

1.

Искушенiе Будды.

[Suttanipāta, Padhānasutta. Fausböll pp. 74—78] ²⁾.

1. Когда я, вiца главнаго, у рѣки Неранжарà послѣ усилiй созерцалъ, чтобы достигъ нирваны,
2. Пришелъ ко мнѣ Намучи, глаголя нѣжную рѣчь: «ты худъ, ты дурень, смерть близка къ тебѣ.

1) См. З. В. О. VI, 332—334 (1891) и IX, 207—221 (1896).

2) [Важные параллельные тексты см. Lalitavistara 327—329 и Mahāvastu II, 238—240 С. О.].

3. Одна часть жизни въ тебѣ и тысячи частей смерти. Для живущаго жизнь лучшее. Живя, ты ставешь добрыя дѣла дѣлать.

4. Много добра наберется отъ соблюденія обѣтовъ цѣломудрія, отъ принесеній жертвъ. На что тебѣ «главное?»

5. Труденъ путь къ главному. Трудно это выполнить; трудно его постичь». Говоря эти стихи, стоялъ Мара вблизи прозрѣвшаго.

6. И ему такъ говорящему, сказалъ господь такое слово: «Грѣшный, [себя не соблюдающаго другъ,] съ какимъ дѣломъ ты сюда пришелъ?»

7. Нѣтъ мнѣ дѣла до чистоты, тобою измышленной. Говори, Мара, къ тѣмъ, кому есть дѣло до этой чистоты.

8. Есть у меня вѣра, есть доблесть; и разумъ во мнѣ видится. И меня, ищущаго главное, зачѣмъ о жизни ты спрашиваешь?

9. Этотъ вѣтеръ потоки рѣкъ высушить; какъ не высушить ему крови во мнѣ, ищущемъ главное?

10. Высохнетъ кровь, высохнутъ желчь и мокрота. Станетъ исчезать плоть, мысль больше прояснится. И сильнѣе станутъ во мнѣ память, разумъ, созерцаніе.

11. И мысль не обращается къ страстямъ у меня, такъ живущаго и достигшаго высочайшаго ощущенія. Смотрите на мою чистоту.

12. Твое первое войско есть страсть, второе — неблагость. Третье — голодъ и жажда. Четвертое называется вожделѣніемъ.

13. Пятое — воровство и ложь; шестое называется страхъ. Седьмое называется зависть. Осьмое называется [лицемѣріе и безчувственность.]

14. Жадность, слава, почтеніе, ложью приобрѣтенная извѣстность, себя возвышающіе, другихъ унижающіе —

15. Вотъ Намучи, черный, твоё войско боевое; лишь герой побѣдитъ его и, побѣдивъ, приѣмлетъ благо.

16. Зла жизнь здѣсь; въ битвѣ лучше смерть, нежели жить побѣжденнымъ.

17. Въ этотъ міръ погруженные нѣкоторые сраманы и брахманы не видны и не знаютъ пути, по которому идутъ исполняющіе добрыя обѣты.

[18. Видя выстроенное войско со всѣхъ сторонъ и Мару съ его словомъ, я выступаю въ бой, чтобы онъ не согналъ меня съ моего мѣста.

19. Эту рать твою, людьми и богами непреодолимую, я пойду разбить (силой) разума, какъ сырой горшокъ глиняный разбиваютъ камнемъ].

20. Овладевъ фантазіей, памятью твердою, пойду по странамъ, много слушателей обращая.

21. Тѣ, не оставляя главнаго, творя мое ученіе, оставляютъ страсть и бытіе и пойдутъ туда, гдѣ нѣтъ скорби».

22. «Семь лѣтъ, во слѣдъ за господомъ ходилъ я; не нашелъ недостатка у всесовершеннаго будды, бдящаго.

23. И какъ камень цвѣта мозга воронъ обходилъ: найдемъ мягкое мѣсто, будетъ пожива.

24. Не найдя поживы ушелъ воронъ. Какъ воронъ, найдя на скалу, скорбно уйдемъ отъ Гаутамы».

25. У него скорбящаго лвра запѣла. И засимъ якша скорбный тутъ-же исчезъ.

2.

Maḥāvagga.

[*Поклонініе Господу, Святому Всесовершенному Буддѣ*].

1. Сказаніе о томъ, что было подъ дровомъ Всевѣднія (Bodhi).

Однажды господь Будда, впервые достигнувъ безусловнаго всевѣднія, находился въ Урувела, на берегу рѣки Неранжарâ подъ дровомъ Все-вѣднія (бодди—*figus religiosa*). Господь сидѣлъ семь дней въ одномъ и томъ же положеніи, поджавъ ноги, вкушая радость освобожденія.

Въ первую часть ночи онъ размышлялъ объ активномъ и пассивномъ взаимномъ сѣпленіи причинъ: отъ «незнанія» (1) происходятъ «дѣйствія» (2), отъ «дѣйствій» — «познаніе» (3), отъ «познанія» происходятъ «имя и форма» (4), отъ «имени и формы» — «шесть орудныхъ познаній» (5), отъ «шести орудныхъ познаній» происходитъ «осязаніе» (6), отъ «осязанія» происходятъ «чувство» (7), отъ «чувства» происходитъ «вожде-льнiя» (8), отъ «вожде-льнiя» происходитъ «возростаніе» (9); отъ «возростанія» — «бытіе» (10), отъ «бытія» — «рожденіе» (11); отъ «рожденія» происходятъ «старость, смерть, печаль, ропотъ, тѣлесная и духовная скорбь, мученія» (12).

Такимъ образомъ происходитъ сѣпленіе всецѣлости скорби.

Отъ всецѣльнаго оставленія и отверженія «незнанія» происходитъ отверженіе «дѣйствій» и т. д. Такимъ образомъ происходитъ отверженіе сей всецѣлости скорби.

Познавъ это господь тогда-же пропзнесъ слѣдующее изреченіе:

1. Въ тотъ мигъ, когда безгрѣшному, подвижнику, созерцающему стануть ясны законы, исчезнуть въ немъ страсти, ибо онъ позналъ явленія и ихъ причивы.

[Затѣмъ господь въ среднюю часть ночи размышлялъ...] [Затѣмъ господь въ послѣднюю часть ночи размышлялъ...] (Далѣе повторяется то же самое съ прибавленіемъ дважды двухъ изреченій:)

2. Въ тотъ мигъ, когда безгрѣшному, подвижнику, созерцавшему станутъ ясны законы, исчезнуть въ немъ страсти, ибо онъ позналъ уничтоженіе причинъ.

3. Въ тотъ мигъ, когда безгрѣшному, подвижнику, созерцающему станутъ ясны законы, разбивъ войско Мăры, стоитъ онъ, освѣщая небо какъ солнце.

II. Сказаніе о томъ, что было подъ пастушескимъ дровомъ.

По прошествіи семи дней господь, возставъ изъ области созерцанія, пошелъ отъ древа Всевѣднія (бодхи — *figus religiosa*) къ древу нигродна (*figus indica*), именуемому пастушескимъ.

Сѣвъ подъ послѣднимъ, онъ, находясь въ одномъ и томъ-же положеніи, поджавъ ноги, въ продолженіи семи дней вкушалъ радость освобожденія.

Нѣкій надменный брахманъ подошелъ къ господу; подойдя къ господу, привѣтствовалъ его и, обмѣнявшись съ нимъ привѣтствіями, сталъ въ сторону; ставъ въ сторону, брахманъ сказалъ:

— «О! Гаутама, каково значеніе брахмана? Какіе законы дѣлаютъ брахмановъ?»

Господь, познавъ смыслъ рѣчи, въ тотъ мигъ изрекъ такой стихъ:

4. Тотъ брахманъ, въ комъ грѣхъ уничтоженъ, кто не надмененъ, безстрастенъ и смиренъ, кто веды постигъ и цѣломудренъ — законно тотъ именуется себя брахманомъ, для кого въ мірѣ нигдѣ нѣтъ привязанностей.

III. Сказаніе о томъ, что было подъ дровомъ Мучалинда.

По прошествіи семи дней господь, возставъ изъ области созерцанія, пошелъ отъ древа нигродна (*figus indica*), именуемаго пастушескимъ, къ древу Мучалинда (*Barringtonia acutangula*); и, придя къ тому древу, провель подъ нимъ семь дней, въ одномъ положеніи, поджавъ ноги и вкушая радость освобожденія.

Въ это время явилась несвоевременная большая туча, и ливень и холодный вѣтеръ и мрачная погода продолжались семь дней.

Тогда царь змѣй Мучалинда вышелъ изъ своего жилища; обвинилъ семь разъ тѣло господя; распустилъ на головѣ его свой большой щитъ и пребывалъ въ такомъ положеніи, дабы господя не касались ни холодъ, ни жаръ, ни овода, ни комары, ни вѣтеръ, ни палящее солнце, ни змѣи.

Когда-же по прошествіи семи дней Мучалинда, царь змѣй, увидалъ, что небо безъ тучъ и ясно, то развилъ свое тѣло отъ тѣла господя; скрывъ

свой образъ и принявъ образъ ученика, онъ предсталъ господу и, сложивъ руки, поклонился ему.

Видя это, господь произнесъ въ тотъ мигъ таковыя стихи:

5. Радостно пробужденіе довольнаго, вѣдающаго законъ, прозрѣвшаго. Радостно незлобіе въ мірѣ. Радостно милосердіе къ существамъ.

6. Преодолѣніе страстей — безстрастность въ мірѣ радостна. Смиреніе духа гордости — вотъ высшая радость!

IV. Сказаніе о томъ, что было подъ дровомъ Рѣжѣатана.

По истеченіи семи дней господь, возставъ изъ области созерцанія, отъ древа Мучалинда перешелъ къ древу Рѣжѣатана. И придя къ тому древу, поджавъ ноги и находясь въ одномъ положеніи семь дней, онъ вкушалъ радость освобожденія.

Въ то время Трапуша и Бхаллика, два купца изъ страны Уккала, проходили тою дорогою, въ ту страну.

И нѣкій богъ, кровный родственникъ ихъ по первымъ перерожденіямъ, сказалъ:

— «Смертные, подъ такимъ-то дровомъ пребываетъ господь, впервые достигшій высочайшей мудрости. Идите, почтите его рисовыми и медовыми изготвленіями. Да послужитъ то вамъ на пользу и радость, въ продолженіи долгаго времени».

Трапуша и Бхаллика, взявъ то и другое, подошли къ тому мѣсту, гдѣ былъ господь; подошли, привѣтствовали его и стали къ сторонѣ; ставъ-же къ сторонѣ, они сказали такъ:

— «Прими, возлюбленный, господь, рисовыя и медовыя изготвленія. Да послужитъ то намъ на пользу и радость въ продолженіи долгаго времени».

И подумалъ тогда господь: «Такъ пришедшіе (tathāgatā) не приемлютъ въ руки; во что-же я приму ихъ даръ?» Познали размышленіе господа четьре бога Махаражѣ и съ четьрехъ сторонъ поднесли ему по каменной чашѣ.

— «Сюда, возлюбленный, господь, прими рисовое и медовое изготвленіе!»

Господь принялъ даръ въ каменную чашу и, принявъ, вкусилъ отъ него.

Тогда Трапуша и Бхаллика сказали господу такъ:

— «Мы, возлюбленный, идемъ подъ защиту господа, идемъ подъ за-

щиту закона. Сочти насъ, господи, поклонниками отъ нынѣ до конца жизни пришедшими подъ защиту».

То были первые поклонники въ мірѣ, пріявшіе двѣ защиты.

V.

[Сказаніе о просьбѣ Брахмы].

По истеченіи семи дней господь, возставъ изъ области созерцанія, перешелъ отъ древа Рѣжѣятана къ тому мѣсту, гдѣ древо нигродна (сус indica), именуемое пастушескимъ. И тамъ господь пребывалъ.

И возникло у господа уединившагося такое размышленіе: «я постигъ этотъ законъ глубокой, трудно зримый, трудно уразумѣваемый, спокойный, высочайшій, непостигаемый размышленіемъ, разумный и разумными сознаваемый. А люди утѣшаются страстями; и тѣшатся и радуются въ страстяхъ; и трудно имъ утѣшающимся, тѣшущимся, радующимся въ страстяхъ узрѣть то мѣсто, т. е. взаимное сцѣпленіе причинъ, что составляетъ ихъ причину. Но еще труднѣе постичь это мѣсто, т. е. успокоеніе всѣхъ дѣйствій, отреченіе отъ всѣхъ мукъ, уничтоженіе вожделѣнія, отверженіе, высшее успокоеніе (nirvāna). И стану я учить закону, и люди не признають меня; и въ этомъ мое мученіе; и въ этомъ мое истязаніе».

И тогда господа пришли въ сознаніе слѣдующіе чудные, прежде не слыханные стихи:

«7. Не теперь возвѣщать законъ, съ трудомъ постигнутый. Люди, грѣха и страсти исполненные, (скажутъ:) этотъ законъ неразуменъ».

8. Не узрять люди, исполненные страсти, тьмою окруженные, закона, идущаго противу теченія, мудраго, глубокаго, трудно видимаго, товчайшаго».

И стала мысль господа размышляющаго клониться не къ проповѣди, а къ малому желанію.

И позналъ Брахма Сахампати мысленно направленіе мысли господа; и сталъ онъ мыслить: «гибнетъ и погибаетъ тотъ міръ, гдѣ мысль татхъ-гаты, архана, высочайшаго Будды склоняется не къ проповѣди, а къ малому желанію». И какъ сильный человѣкъ сжатую руку разжимаетъ или разжатую сжимаетъ, такъ Брахма Сахампати, въ единый мигъ исчезнувъ изъ міра Брахмы, предсталъ господа.

И преклонилъ предъ господомъ Брахма Сахампати лѣвое колѣно на землю и, сбросивъ покровъ съ одного плеча, простеръ сложенные руки къ господа и сказалъ такъ:

«Да возвѣститъ возлюбленный господь законъ; да возвѣститъ законъ сугата. Есть существа малострастныя по природѣ; они гибнутъ, не внемля закону. Станутъ они внимать закону!» Такъ сказала Брахма. И сказавъ это, онъ сказалъ и другое:

«9. Возникъ въ Магадѣ нечестивый законъ, грѣшными надуманный.

Отверзи врата къ безсмертію, да услышатъ законъ, безгрѣшнымъ надуманный.

10. Какъ стоящій на скалѣ, на вершинѣ горы обозрѣваетъ людей кругомъ, такъ и ты, о мудрый, всевидящее око имѣющій, взойди на подобный-же чертогъ закона, и возри, безкорбный, на людей въ скорбь погруженныхъ, рожденію и старости подчиненныхъ.

11. Встань, герой, одержавшій побѣду; гряди въ міръ, вождь каравана, не имѣющій долговъ. Да возвѣститъ господь законъ, и явятся поклонники». [Когда онъ сказалъ такъ, господь обратился къ Брахма Сахампати со словами: «я постигъ этотъ законъ...»].

(Затѣмъ въ текстѣ дважды повторяется тоже самое).

Внявъ моленію Брахмы, господь исполнился состраданія къ существамъ и окомъ прозрѣвшаго взглянулъ на міръ. И обозрѣвая міръ окомъ прозрѣвшаго, увидалъ существа малострастныя, многострастныя, съ острыми и нѣжными чувствами, увидалъ благочестивыхъ и нечестивыхъ, легко и трудно научаемыхъ; и видѣлъ нѣкоторыхъ живущихъ и со страхомъ взирающихъ на путь въ тотъ міръ.

Какъ въ пруду лотусовъ или водяныхъ розъ или бѣлыхъ лотусовъ, нѣкоторые лотусы или водяныя розы или бѣлые лотусы, родившись и выросши въ водѣ, не выходятъ изъ воды, но зрѣютъ, погружаясь въ воду, иные-же стоятъ на одномъ уровнѣ съ водою, другіе-же стоятъ надъ водою, не касаясь воды—такими [тутъ повторяется сказанное выше: малострастныя и т. д.] увидалъ господь людей, взирая на нихъ окомъ прозрѣвшаго. И такъ возрѣвъ господь сказалъ Брахмѣ стихъ:

12. «Отверзты врата безсмертія для нихъ; да увѣруютъ внемлющіе закону. Не возвѣщаль я людямъ, о Брахма, отмѣннаго высокаго закона, пбо сознаваль, что будутъ истязанія».

Брахма увидалъ, что господь согласился проповѣдовать, привѣтствуя поклонился господу и скрылся.

VI.

И пришло это на мысль господу: «кому я возвѣщу законъ во-первыхъ? Кто постигнетъ быстро этотъ законъ?»

И пришло это на мысль господу: «Ālāra-kālama мудръ, способенъ, ра-

зументъ, и долгое время былъ онъ безстрастенъ; если я возвѣщу ему законъ во-первыхъ, пойметъ онъ его быстро».

Но божество скрытое сказало господу: «возлюбленный, уже семь дней, какъ онъ умеръ».

И позналъ господь, что семь дней какъ умеръ *Âdâra-kâlâma*, и пришло ему на мысль: «былъ онъ многосвѣдущъ; если бы онъ услыхалъ этотъ законъ, то быстро позналъ бы его».

И пришло это на мысль господу: «кому возвѣщу законъ во-первыхъ? Кто постигнетъ быстро этотъ законъ?»

И пришло это на мысль господу: «Удака, сынъ *Рâмы*, мудръ, способенъ, разуменъ, и долгое время былъ онъ безстрастенъ; если я возвѣщу ему законъ во-первыхъ, пойметъ онъ его быстро».

Но скрытое божество сказало господу: «вчера онъ умеръ!»

И пришло это на мысль господу: «былъ онъ многосвѣдущъ; если-бы онъ услыхалъ этотъ законъ, то позналъ бы его быстро».

И пришло это на мысль господу: «кому возвѣщу законъ во-первыхъ? Кто постигнетъ его быстро?»

И пришло это на мысль господу: «были Пять Нищихъ многослужливы; когда я искалъ истину, служивали они мнѣ. Возвѣщу имъ законъ во-первыхъ».

И пришло это на мысль господу: «гдѣ пребываютъ они теперь?»

И узрѣлъ господь окомъ божественнымъ, чистымъ, превосходящимъ человѣческое, Пять Нищихъ, живущихъ въ Бенаресѣ, около Исипатана, въ саду *Мігадâja*. И пробывъ ночь въ Урувела, господь направился къ Бенаресу.

По дорогѣ между Гая и Древомъ Всевѣдѣнія узрѣлъ господа нагой странникъ Упака. Узрѣвъ господа, онъ сказалъ ему:

— «Долго жить тебѣ (*âvuso*), ясны твои чувства; свѣтель и ясенъ цвѣтъ твоей кожи.

Долго жить тебѣ; кому во слѣдъ ты выступилъ на путь? Кто твой учитель? Чьему закону ты слѣдуешь?»

На эти слова господь отвѣчалъ стихами нагому страннику:

13. «Я всеподчиняющій, всевѣдущій; независимый отъ всѣхъ явлений; я все оставилъ, и свободенъ, ибо вождельніе исчезло во мнѣ. Самъ я уразумѣлъ; кому же во слѣдъ мнѣ идти?»

14. Нѣтъ у меня учителя; нѣтъ мнѣ подобнаго; ни въ мірѣ людей, ни между богами нѣтъ мнѣ подобнаго.

15. Я въ мірѣ чтимый; я верховный учитель; я емь безусловно прозрѣвшій, успокоившійся, нирваны достигшій.

16. Иду я въ градъ касійскій вращать колесо закона и ударю въ ба-
рабанъ, возвѣщающій безсмертіе міру, тьмою ослѣпленному».

— «Долго жить тебѣ; такъ ты еси чтимый, безконечный побѣдитель,
какъ истинно самъ утверждаешь».

17. «Кто достигъ уничтоженія грѣховности, тотъ побѣдитель мнѣ по-
добный. Я преодолѣлъ грѣшныя явленія, и потому, о Упака, я побѣдитель!»

Въ отвѣтъ на это нагой странникъ Упака сказалъ:

— «Да будетъ тебѣ такое имя, долго жить тебѣ!»

И потрясая головою онъ пошелъ въ сторону отъ дороги.

Продолжая свой путь, господь приблизился къ Бенаресу, къ саду Мп-
гадѣя, около Испатана, туда гдѣ были Пять Нищихъ.

И увидали его Пять Нищихъ издали подходящаго и увидавъ господя,
издали подходящаго, стали другъ друга поддерживать:

— «Долго жить тебѣ, вотъ идетъ сраманъ Гаутама, жадный, отка-
завшійся отъ исканія истины и обратившійся къ стяжанію. Его не слѣдуетъ
привѣтствовать; не нужно ему услуживать. Не принимайте отъ него ни
чаши, ни покрова. Поставьте ему сѣдалище; если пожелаетъ, то пусть сядетъ».

И какъ сталъ господь подходить къ Пяти Нищимъ, не сдержали они
своего условія; пошли ему во срѣтеніе, одинъ взялъ отъ господя чашу и
чивару; другой предложилъ ему воду для омовенія ногъ, подушку подъ
ноги, предложили ему сѣдалище, и песку подъ ноги подсыпали.

Сѣлъ господь на предложенное сѣдалище и, сѣвъ, омылъ ноги. И обра-
щались они къ господу, называя его по имени или со словами «долго жить
тебѣ».

Въ отвѣтъ на это господь сказалъ Пяти Нищимъ:

— «О, нищя братья, не обращайтесь къ татһагатѣ, называя его по
имени или со словами: долго жить тебѣ. Онъ, о нищя братья, есть чтимый,
безусловно прозрѣвшій. Внемлите, безсмертіе обрѣтено. Я учу; я возвѣщу
законъ, и вы, поступая по наученному, скоро, при выясненномъ законѣ, ура-
зумѣвъ и выяснивъ себѣ то высочайшее, что есть конечная цѣль соблюде-
нія обѣтовъ цѣломудрія, то, ради чего сыны благородныхъ семей, внезапно
покинувъ дома, бездомными бродятъ, вы, достигнувъ его, станете жить».

Въ отвѣтъ на это Пять Нищихъ сказали господу:

— «Долго жить тебѣ, Гаутама! Этимъ подвижничествомъ, этимъ пу-
темъ, этимъ трудомъ ты не постигъ высочайшихъ человѣческихъ законовъ,
то, что составляетъ отличіе святаго знанія. И нынѣ ты стяжательный, оста-
вивъ исканіе истины и обратившись къ стяжанію, ужели постигнешъ вы-
сочайшіе человѣческіе законы, то, что составляетъ отличіе святаго знанія?»

Когда они такъ сказали, господь сказалъ Пяти Нищимъ: «о монахи, Татһагата не стяжательнъ, онъ не оставилъ исканія истины, онъ не обратился къ стяжанію. Татһагата, о монахи, есть чтимый». . . (и т. д. какъ выше). (Въ текстѣ слова нищихъ повторяются трижды, и Будда также отвѣчаетъ имъ; послѣ третьяго раза Будда говоритъ:)

И сказалъ господь въ отвѣтъ на это:

— «О нищія братья, признайте, не говорилось вамъ такое прежде!»

— «Не говорилось, возлюбленный!» отвѣчали тѣ.

— «Татһагата, о нищія братья, есть чтимый, онъ безусловно прозрѣвшій» и т. д. какъ выше.

Съумѣлъ господь наставить Пять Нищихъ, и стали они его слушать, стали ему внимать и направили мысль къ пониманію.

И сказалъ имъ господь:

«О братья, въ двѣ крайности не долженъ впадать выступившій на путь! Въ какія-же двѣ?»

Одна изъ нихъ въ страстяхъ, соединена съ наслажденіемъ страстями, низкая, грубая, свойственная человѣку не просвѣщенному.

Другая соединена съ собственнымъ истязаніемъ, скорбная, не святая и связана со тщетою.

Татһагата, обойдя обѣ эти крайности уразумѣлъ срединный путь, дающій прозрѣніе, знаніе, ведущій къ успокоенію, ясновѣдѣнію, высшему уразумѣнію, нирванѣ.

Какой-же это срединный путь уразумѣлъ Татһагата, дающій прозрѣніе? и т. д. какъ выше.

Это есть святой осьмичленный путь: истинныя воззрѣніе, размышленіе, слово, дѣло, жизнь, успіе, память и созерцаніе.

Этотъ путь, о братья, уразумѣлъ Татһагата и т. д.

Вотъ въ чемъ, о братья, состоитъ святая истина скорби: рожденіе скорбно, старость скорбна, болѣзнь скорбна, смерть скорбна; скорбно всякое соединеніе съ непріятнымъ и скорбна разлука съ пріятнымъ; и все то скорбь, чего не получаетъ желающій. Вкратцѣ, пять разрастающихся агрегатовъ суть скорбь.

Вотъ въ чемъ, о братья, состоитъ святая истина сдѣленія скорби: это есть желаніе, постоянно вновь возникающее, страстное и радостное, тамъ и тамъ радующееся, т. е. вожделѣніе бытія, вожделѣніе страсти, вожделѣніе небытія.

Вотъ въ чемъ, о братья, состоитъ святая истина отверженія скорби: безостаточное оставленіе этого вожделѣнія, оставленіе, отверженіе, освобожденіе, безстрастность.

Вотъ въ чемъ, о братья, состоитъ святая истина пути, ведущаго къ отверженію скорби: это осмысленный путь, т. е. истинное воззрѣніе и т. д.

Вотъ святая истина скорби! Такъ, о братья, для этихъ прежде неслыханныхъ законовъ у меня возникло око, знаніе, разумъ, вѣдѣніе, воззрѣніе. Эта святая истина о скорби должна быть сознана, и такимъ образомъ, о братья, для этихъ прежде неслыханныхъ законовъ у меня возникло око и т. д. Эта святая истина о скорби сознана; такимъ образомъ, о братья, для этихъ прежде неслыханныхъ законовъ у меня возникло око, и т. д.

Вотъ святая истина сцѣпленія скорби; такимъ образомъ, о братья, для этихъ прежде неслыханныхъ законовъ, у меня возникло око и т. д. Это сцѣпленіе скорби, чтѣ есть святая истина, должна быть уничтожена; такимъ образомъ, о братья, и т. д. Это сцѣпленіе скорби, чтѣ есть святая истина, уничтожена, такимъ образомъ, о братья, и т. д.

Вотъ святая истина отверженія скорби; такимъ образомъ, о братья, для этихъ прежде неслыханныхъ законовъ у меня возникло око и т. д. Эта святая истина объ отверженіи скорби должна быть выяснена, и такимъ образомъ, о братья, для этихъ прежде неслыханныхъ законовъ у меня возникло око и т. д. Эта святая истина объ отверженіи скорби выяснена; такимъ образомъ, о братья, для этихъ прежде неслыханныхъ законовъ у меня возникло око и т. д.

Вотъ святая истина пути, ведущаго къ отверженію скорби; такимъ образомъ, о братья, для этихъ прежде неслыханныхъ законовъ у меня возникло око и т. д. Этотъ путь, ведущій къ отверженію скорби (святая истина), долженъ быть пройденъ, и такимъ образомъ, о братья, для этихъ прежде неслыханныхъ законовъ у меня возникло око и т. д. Этотъ путь, ведущій къ отверженію скорби (святая истина), пройденъ, и такимъ образомъ, о братья, для этихъ прежде неслыханныхъ законовъ у меня возникло око и т. д.

И до тѣхъ поръ, о братья, пока во мнѣ это знаніе четырехъ святыхъ истинъ, имѣющее три поворота, двѣнадцать формъ, и вполнѣ истинное, не выяснилось, до тѣхъ поръ, о братья, я не созналъ, что безусловно прозрѣлъ высочайшее, безусловное всевѣдѣніе, въ мірѣ боговъ, Мары, Брахмы, въ мірѣ людей и боговъ, въ мірѣ срамановъ и брахмановъ.

Когда-же, о братья, во мнѣ это знаніе четырехъ святыхъ истинъ, имѣющее три поворота, двѣнадцать формъ, и вполнѣ истинное, выяснилось, тогда я созналъ, что безусловно прозрѣлъ и т. д. какъ выше.

Возникло у меня знаніе и вѣдѣніе, незлобіе и свобода мысли. Вотъ мое послѣднее рожденіе; не будетъ вновь бытія».

Такъ сказалъ господь, и Пять Нищихъ, довольные, возрадовались рѣчи господа.

И когда это откровеніе говорилось, возникло у почтеннаго Кондайѣа око закона, безстрастное, освобожденное отъ нечестія.

И все то, что было явленіемъ сдѣпленія, стало явленіемъ освобожденія.

Когда господь вращалъ колесо закона, возгласили земные боги: «въ Бенаресѣ, въ саду Мигадаѣа, около Исипатана господь вращалъ высочайшее колесо закона; никто въ мірѣ, ни сраманъ, ни брахманъ, ни богъ, ни Мара, ни Брахма, никто не вращалъ его».

Слыша гласъ земныхъ боговъ, боги Чатурмахараѣа возгласили: и т. д. (какъ выше).

Слыша гласъ послѣднихъ, боги Таватинса, боги Яма, боги Тусита, боги Нимманарати, боги Параниммитавасаватти, боги Брахмакаѣа возгласили п т. д. какъ выше.

И тогда-же, отсюда, въ тотъ самый мигъ, въ ту самую минуту, въ то самое мгновеніе вознесся гласъ до міра Брамьы, и этотъ міръ потрясся, задрожалъ, заколебался; явился въ мірѣ неизмѣримый великій блескъ, превзошедшій божеское величіе боговъ.

И сказалъ господь такой стихъ: «ты позналъ, о Кондайѣа, ты позналъ, о Кондайѣа».

И съ тѣхъ поръ стало имя ему: Аѣпатакондайѣа (познавшій Кондайѣа).

И въ то время, какъ сталъ онъ узрѣвшимъ законъ, достигшимъ, познавшимъ и въ законъ погруженнымъ, не стало въ немъ зависти, исчезла въ немъ болтливость; онъ достигъ превысочайшихъ отличій и не видѣлъ въ ученіи господа постороннихъ побужденій.

И сказалъ онъ господу: «о возлюбленный, въ твоей близи я выступлю на путь, и отъ тебя приму посвященіе».

— «Гряди, нищій, отвѣчалъ ему господь; законъ ясно изложенъ; исполняй обѣты цѣломудрія, чтобы положить предѣлъ высочайшей скорби».

То было посвященіе почтеннаго Кондайѣа.

И остальныхъ нищихъ господь наставлялъ и научилъ проповѣдью.

И. Минаевъ.